

© Д. С. Парфирьев

РУСИНЫ ГАЛИЦИИ ГЛАЗАМИ ПОСЕТИТЕЛЕЙ ИЗ РОССИИ (1914–1917 гг.)

В статье на материале широкого круга релевантных свидетельств показано то, как русские посетители воспринимали и описывали русинов Галиции, занятой русскими войсками во время Первой мировой войны. С началом военных действий многие жители России, прежде почти не знавшие этого региона, в основном военнотруженики, получили возможность соприкоснуться с его восточнославянским населением. Опыт взаимодействия с русинами показал, что лозунги властей и правой публицистики о «чисто русском» характере Галиции и её жителей не соответствуют действительности: быт, внешний облик и язык русинов устойчиво ассоциировались не с русскими вообще, а именно с малороссами, униатское богослужение обнаруживало заметные отличия от православного, а лояльность местного населения русским войскам вызывала большие сомнения. Больше всего русинам не доверяли военные, особенно после неудач России на Юго-Западном фронте летом 1915 г.

Ключевые слова: русины, Галиция, униаты, образ другого, Первая мировая война

Ссылка при цитировании: Парфирьев Д. С. Русины Галиции глазами посетителей из России (1914–1917 гг.) // Вестник антропологии. 2024. № 1. С. 44–53.

© Dmitry Parfiryev

RUSYNS OF GALICIA THROUGH THE EYES OF RUSSIAN VISITORS (1914–1917)

The article, based on a wide circle of relevant sources, shows how Russian visitors perceived and described Rusyns of Galicia during its occupation by Russian troops in WWI. The beginning of the war gave many Russian citizens, who almost had not known this region previously, an opportunity to contact with its East Slavic inhabitants. The experience of communication with Rusyns showed that Russian authorities and right-wing journalism's slogans about «purely Russian» nature of Galicia and its inhabitants did not correspond to reality. Everyday life, appearance and language of Rusyns caused strict associations not with Russians in general but with Malorus people in particular. Uniate worship service was markedly different to the

Orthodox one, and the loyalty of local people to Russian authorities raised doubts. Rusyns were especially not trusted by the military, especially after Russian failures on the Southwestern Front in the summer of 1915.

Keywords: *Rusyns, Galicia, Uniates, image of other, WWI*

Author Info: Parfiryev, Dmitry S. — Ph.D. in History, Research Associate, the Russian Academy of Sciences Institute of Slavic Studies (Moscow, Russian Federation).

E-mail: parfiryeff@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0732-2999>

For citation: Parfiryev, D. S. 2024. Rusyns of Galicia through the Eyes of Russian Visitors (1914–1917). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 44–53.

После Венского конгресса за пределами России, в составе империи Габсбургов, остались три региона компактного проживания восточнославянского населения — Восточная Галиция, Буковина и Подкарпатская Русь (Закарпатье). До 1914 г. путешественники и учёные из Российской империи почти не посещали Галицию, несмотря на приграничное положение и возможность добраться поездом. По выражению правой публицистки Е. И. де Витте, в 1903 г. побывавшей на Буковине, она проделала «путь, совершенно незнакомый нашим путешественникам, за исключением славистов, избирающих предметом своих исследований этот искони русский край» (Де Витте 1903: 1). При этом до Галиции автор цитаты так и не доехала. Летом 1913 г. театральный режиссёр В. И. Немирович-Данченко, на двое суток остановившийся в галицийском городе Тарнополе проездом на курорт, писал художнику А. Н. Бенуа: «По пути в Карлсбад я застрял в городе Тарнополь. Ручаюсь, что и Вы не знаете о существовании такого города» (Немирович-Данченко 2013: 331). С учётом того, что и отправитель, и адресат были высокообразованными людьми, пассаж Немировича-Данченко говорит сам за себя. В самом начале Первой мировой войны столичный журналист Д. А. Крючков иронизировал, что многие из его коллег «никогда раньше и не слышали про Галицию» (Крючков 1914: 5–6). Осенью 1914 г. всё изменилось: с началом войны в Галиции и на Буковине появились русские войска, а за ними потянулись чиновники, журналисты, медики, учёные, общественные деятели, артисты и члены семей всех вышеперечисленных. К апрелю 1915 г. русская армия контролировала всю Буковину и восточную часть Галиции, но уже летом того же года, во время «Великого отступления», ей пришлось оставить большую часть занятых территорий. Летом 1917 г. войска противника окончательно вытеснили русские части за пределы довоенной границы.

Настоящая статья посвящена не тому, как восточнославянское население Галиции воспринималось российским обществом в целом, — в фокусе внимания находятся именно впечатления тех, кто посещал регион в военный период. Большинство авторов рассмотренных текстов — военнослужащие разного ранга и корреспонденты периодических изданий. Акцент сделан на синхронных свидетельствах: эпистолярных материалах, дневниках, газетных репортажах, путевых записках. Под путевыми записками подразумеваются рассказы о поездках, опубликованные в скором времени после их завершения. Вслед за американским исследователем А. Дрейсом-Фрэнсисом мы полагаем, что понятие «путешествие» (*travel*) можно применить к любому организованному передвижению (в отличие от естественного *movement*) (Drace-Francis 2008: 4).

Очевидно, что в нашем случае за нейтральными понятиями «посетитель»/«наблюдатель» и «визит»/«поездка» стоит не туризм, а прибытие подданных одного государства, в основном военных, на завоеванную территорию другого государства.

Маршруты русских посетителей Галиции определялись ходом военных действий. Военные и гражданские лица проезжали через города и селения, оставались на постой, знакомились и общались с людьми разных положений, наблюдали их быт. Невысокий языковой барьер упрощал коммуникацию с местными жителями. Анализируя впечатления наблюдателей, мы делаем поправку на избирательность восприятия, а также на то, что образ Галиции и её жителей складывался из сочетания реального опыта с уже сложившимися представлениями, из трансформации стереотипов (Beller 2007: 6–7; Белов 2018: 521).

Для официальных ведомств и правой публицистики занимаемые территории были «Червонной Русью», а их восточнославянское население — несомненно русским. В первые дни войны верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич публично обратился к местным жителям как к «освобождаемым русским братьям» (Воззвание 1914: 42). Патриотическая публицистика называла Галицию «старинной русской страной» (Занятие 1914: 29), «неотъемлемым своим достоянием» (*Белгородский* 1914: 5), «исконно русской землёй» (*Дружковский* 1914: 1–4) и «продолжением русской земли» (*Уланов* 1914: 2–3). «Чисто русский склад души видим мы у галицкого народа, чисто русское мирозерцание, краеугольный камень которого составляет православная вера» — заключала газета «Киевлянин» (*В. Л.* 1914: 3). Этноним «русины» деятели националистических и правоконсервативных взглядов считали таким же искусственным, как определение «украинцы» (*Флоринский* 1911: 92). МИД России также настаивал, что «в Галиции, Буковине и Угорской Руси — одно русское население, (а не разные рутены или русины)» (АВП РИ: Д. 159. Л. 4). При этом подавляющее большинство посетителей из России называли восточнославянское население Галиции именно «русинами». Эта тенденция, которую уже отмечала М. Э. Клопова в русской прессе первых месяцев войны (*Клопова* 2016: 158), хорошо прослеживается и по эпистолярным материалам и дневниковым записям.

С самого начала посетители фиксировали сходство русинского сельского населения не с русскими крестьянами вообще, а именно с малорусскими. Эта близость прослеживалась во внешнем виде жилищ и хозяйственных построек, в традициях и в быту, в религиозных обрядах, костюмах и украшениях. Сам антураж, в котором русские посетители Галиции наблюдали русинов, напоминал им о Малороссии (Украине). Американский историк К. Эли отмечал, что образ сельской местности в представлении городских жителей России отражал совокупность культурных представлений и основывался на живописных образах (*Ely* 2009: 226). То же самое можно сказать и о восприятии ими «типичного» малороссийского пейзажа. Наблюдатели описывали пасторальные картины, «типичные для нашей Украины»: «Те же постройки, плетни, та же разбросанность хат, в противоположность великорусским и польским, вытянутым в одну улицу, деревням» (*Щербаков* 1915: 364); «белые мазанки, пирамидальные тополя, соломенные крыши» (*Степун* 1926: 16); «ласкающая зелень, маленькие усадьбы с вишнёвыми садами» (*Яворская* 1915: 3). Внутреннее убранство жилищ также напоминало о «хохлатской хате»: «Те же высокие сундуки-укладки на ножках, лавки, деревянные диваны, широчайшие кровати, на них огромные подушки, перекладины под кроватями, с перевесившимся платьем» (*Серафимович* 1915а: 5). Анафоры со словами «тот же», «такой же» были весьма характерны для подобных сравнений: «Тот же наш хохол, неповоротливый, так же одетый, упрямый, с тем же хохлацким юмором» (*Серафимович* 1915б: 2); «Те же хаты-мазанки, те же костюмы у мужиков и баб, точно сшитые где-нибудь около Житомира, тот же тип лица» (*Кожухов* 1915: 7); «Такие же

хаты, такие же садики при них, и даже одежда и медлительность в словах и движениях русин заставляет вспомнить наших малороссов» (*Митропольский* 1914: 19).

Описывая сходства во внешнем облике австрийских русинов и малороссов юго-западных губерний России, приезжие делали акцент на деталях, которые уже в то время составляли набор характерных черт украинца (малоросса) в глазах русского — традиционности и романтической простоте жизни, фольклорности, колоритном внешнем облике (*Левкиевская* 2008: 159–160). «В беседе с крестьянами забываешь, что ты не в какой-нибудь юго-западной, или привислинской губернии, а в пределах двуединой империи...» — рассказывал журналист газеты «Голос Руси» И. Ф. Половцов (*Половцов* 1915: 3). Чаще всего внимание акцентировалось на яркой одежде, особенно женской: «цветистые, красные бабьи сарафаны и платки» (*Тыркова* 1915в: 2); «пёстренькие платочки, монисты» (*Курмойров* 1915: 29), «яркие платки, совсем, как наши» (*Ксюнин* 1916: 197), «ярочь нарядов» (*Мясковский* 1977: 128); «алыми маками горят уборы русинок» (*Тыркова* 1915а: 5). Даже петроградский журналист, который никогда не бывал в Галиции, но посетил выставку русинских костюмов в Русском музее, заключил, что галичане «весьма схожи и обиходом, и одеждой с малороссами» (*Крючков* 1914: 5). Знакомые ассоциации вызывали и праздники местных селян: «Та же цветная малороссийская толпа дивчат и парубков, ещё более цветная и яркая, почти цыганская. Те же песни, те же южные ласковые голоса, та же певучесть» (*Серафимович* 1915б: 2).

Закономерно, что у наблюдателей, плохо знакомых с Малороссией, увиденное в Галиции вызывало более близкие ассоциации. Молодой врач Ф. Краузе писал, что его санитар, «самарский мужик», сравнивает природу и быт галицийских селений со своей деревней (*Краузе* 2013: 110). Петроградский журналист А. И. Ксюнин рассуждал, что, если бы не горы, можно было бы принять галицийскую местность за «московскую или костромскую деревню»: «И лица у крестьян те же круглые, простодушные, и хаты такие же, да и наряды мало чем разнятся» (*Ксюнин* 1916: 191). Представители французской военной миссии в России сравнивали соседнюю с Галицией Буковину с французской Овернью (*Паскаль* 2014: 134).

На родство с малороссами, по мнению посетителей из России, указывали и языковые особенности галицийских русинов. По свидетельствам бывших военнослужащих, жители селений Восточной Галиции «говорили по-малорусски» (АДРЗ: Л. 18), «на наречии, похожем на малороссийский язык» (*Геруа* 2018: 294). «Крестьяне понимают по-русски, но их язык сильно отличается от нашего» — делилась с А. А. Блоком жена, приехавшая в Галицию в качестве сестры милосердия (*Блок* 2022: 510). Военные отмечали, что проще всего контакты с местным населением налаживали бойцы малорусского происхождения: «Наши хохлы болтают с ними совсем свободно» (*Краузе* 2013: 110); «...Казаки, в большинстве хохлы же, свободно с ними объясняются и очень ладят» (*Саянский* 1915: 126). Военнослужащие русской армии — малороссы и сами задавались вопросом, о какой войне с немцами и австрийцами может идти речь, если местные жители говорят с ними на одном языке (*Асташов* 2014: 329). «Переходя из села в село, я сразу замечал, что люди, жившие в этих сёлах, не были ни австрийцами, ни немцами, — описывал свои впечатления бывший солдат 8-го Финляндского полка А. Дидковский. — Хаты были похожи на наши, говорят совсем понятно по-нашему (термин «по-украински» был неизвестен в русской армии), многие уже бойцы-украинцы начинали говорить, что это наши люди, а не австрийцы...» (*Дидковский* 1961: 9). У некоторых посетителей, напро-

тив, создавалось впечатление, что сельские жители Восточной Галиции — «более русские», чем малороссы по другую сторону границы. Депутат Государственной думы А. Л. Трегубов писал, что русины в большей степени сохранили «русскость» в одежде и, в отличие от малороссов, не стыдятся национального костюма (*Трегубов* 1915: 3). Поэт В. Я. Брюсов в репортаже для ярославской газеты «Голос» отмечал, что «русинский язык много понятнее для русского, чем не только польский, но даже украинский нашей Малороссии» (*Брюсов* 1914: 2). Помещик М. Я. Говорухо-Отрок писал, что пленные «хохлы из-под Тарнополя и Львова», которых он обеспечил работой на своих землях, «работают лучше наших» (ГА РФ 102: Д. 1019. Л. 751).

Имущественное положение и характер русинов посетители Галиции оценивали по-разному. Одни отмечали «образцовый порядок в селениях, зажиточность сельского населения, его чистенькие, опрятные снаружи и внутри мазанки» (*Поручик N* 1914: 3), «постройки крепкие, хорошие, прочные» (*Ильин* 2016: 115); другие, наоборот, писали, что «живут русины, в общем, бедно» (*Краузе* 2013: 110). Ещё шире был спектр оценок характера галичан — от «добрых, мягких людей» (*Взятие* 1915: 25; ГА РФ 102: Д. 1014. Л. 791) до «глупого, ленивого народа» (ГА РФ 102: Д. 1024. Л. 227). Большинство наблюдателей описывали галицийских русинов как спокойных, терпеливых и замкнутых людей. Представитель одесского отделения Русского технического общества А. Н. Клепинин рассказывал, что женщины в Галиции относятся к русским военным добродушно и обменивают у них товары, а мужчины «более замкнуты и как бы боятся нас» (*Юльич* 1914: 2). Другие авторы отмечали, что русины «очень сдержанны» (*Пестржецкий* 2011: 97) и «ведут себя скромно, видимо, побаиваясь» (ГА РФ 102: Д. 994. Л. 1388). Похожие характеристики встречаются во многих релевантных свидетельствах: «народ, терпеливый, придавленный, не очень разговорчивый» (*Манин-Вавинский* 1916: 570); «забиты, принижены» (ГА РФ 102: Д. 1019. Л. 710); «народ всё очень покладистый, смиренный и толковый» (ГА РФ 102: Д. 1019. Л. 751). Расположенность русинов к русским войскам, как правило, подмечалась на контрасте с негативным отношением со стороны поляков и евреев. На фоне последних русины казались единственными, кто в Галиции относится к русским «более или менее искренне доброжелательно» (ГА РФ 102: Д. 1014. Л. 782); «очень доброжелательно: видимо, искренно и без угодливости» (*Краузе* 2013: 110); «ближе к нам и чувствуется что-то родное» (*Ильин* 2016: 117).

Однако у целого ряда военнотружущих положительное отношение русинов к пришедшим в Галицию войскам сразу вызвало сомнения. Штабс-капитан К. А. Бернацкий уже 1 сентября 1914 г. писал, что русины, как и поляки, «глубоко преданы австрийской короне и в нас не нуждаются» (ГА РФ 102: Д. 994. Л. 1388). «В сущности, из-за такого народа не следовало начинать великой войны, это совершенно индифферентное, кастрированное противоположными влияниями панславизма, пангерманизма, ксендзов, попов, мазепинства, русского национализма племья» — вторил ему вольноопределяющийся С. И. Вавилов в самом начале пребывания на австрийской территории (*Вавилов* 2016: 262). «Поляки и жида давно уже растлили в них хорошие качества славянства и любовь к России, — рассуждал ещё один военнотружущий. — Странно, что все забывают, что мы победили наших соплеменников, а не они к нам перешли. Сдавались они толпами нашим войскам не из чувства родства, а просто по трусости. Может быть по деревням и сёлам царит другое настроение, только, по рассказам, и там то же самое» (ГА РФ 102: Д. 1010. Л. 75). Один из сослуживцев жаловался казачьему офицеру И. А. Курмоярову, что галичане, вопреки общему

мнению, поступили с ним «дурно»: «Захожу в ближайшую деревню, объясняю, что я Русский, бежал из плена, прошу помочь либо одеждой, либо подводой. Не поверите — в шею вытолкали. Должно, и у них не все за нас» (*Курмояров* 1915: 16). Некоторые авторы признавали, что среди русинов есть смешанные настроения — в зависимости от конкретного селения (*Манин-Вавинский* 1916: 580).

Прохладное или негативное отношение русинов наблюдатели объясняли непродуманной языковой и религиозной политикой русских властей, коррупцией, мародёрством военных (ГА РФ 102: Д. 1014. Л. 805; Д. 1016. Л. 450). Военный врач И. А. Арямов признавал в дневнике, что солдаты «...тащат у жителей всё что можно: скотину, домашние принадлежности и при всяком сопротивлении со стороны хозяев их избивают — радости мало русинам от своих братьев-славян» (*Арямов* 2014: 95). Другие военные обращали внимание на то, что соплеменники русинов воюют по ту сторону линии фронта. Военные воочию видели, как крестьяне, чьи родные служили в полках Перемышльского гарнизона, несут им пищу через передовую линию или подкармливают австро-венгерских пленных (*Манин-Вавинский* 1916: 570; *Тютчев* 2022: 119). Скептически русские офицеры относились не только к лояльности населения, но и к искренности «братских» чувств русинов, сражавшихся в австро-венгерской армии: «Из наших офицеров многие не очень-то сочувствуют таким «братьям», которые стреляют, убивают и ранят наших очень исправно, и только когда им плохо, бросают оружие и заявляют о своём братстве» (*Тютчев* 2022: 119). «Взятые против воли, они часто охотно сдаются, но перед сдачей непонятно долго и упорно стреляют в наши наступающие части, нанося существенный вред. [...] Вдруг, словно по сигналу, стрельба прекращается, винтовки брошены и стрелки бегут к нашим с криками: «Христос Воскресе», или «Слава Иисусу» — сетовал И. Ф. Половцов (*Половцов* 1915: 3). Офицеры отмечали, что в галицийской провинции широко распространена украинская самоидентификация. Генерал Н. М. Ремезов ещё в сентябре 1914 г. констатировал, что в Галиции активно развивается украинское движение, и «большой будет ошибкой, если, присоединив край, мы многого не учтём и начнём насаждать православие и русский язык» (ГА РФ 102: Д. 995. Л. 1414). Ф. Ф. Тютчев, сын знаменитого поэта, в здании одной из галицийских школ просматривал книги на украинском языке и с удивлением для себя обнаружил, что украинское движение «гораздо интереснее и серьёзнее, чем старается изобразить его «Новое время»¹ (*Тютчев* 2022: 120).

подавляющее большинство русинов Галиции были униатами (греко-католиками). При сохранении многих православных обрядов униаты признавали догматику и верховенство католической церкви. В Российской империи уния была окончательно упразднена к 1875 г., поэтому далеко не все приезжие из России понимали, чем вера жителей Галиции отличается от православия. Унтер-офицер Е. Х. Гусев писал в дневнике: «Жители здесь русины, они исповедывают нашу православную религию, говорят они так же, как говорят малороссы: они одного с ними племени, у них православные церкви и священники» (*Гусев* 2007: 112–113). Русские наблюдатели часто фиксировали внешнее сходство униатских церквей с православными (*Черкасский* 1914: 2; *Щербаков* 1915: 364) или прямо называли их православными (*Геруа* 2018: 294; *Стенун* 1926: 16), а «католическую» составляющую униатства сводили к минимуму. Так, военный следователь 5-го армейского корпуса писал, что «католическое

¹Правоконсервативная газета «Новое время» отрицала влияние украинского движения на галичан как искусственного.

внешнее оказательство религии» выражалось у галичан только в строгом соблюдении обрядов (ГА РФ 102: Д. 1000. Л. 1983), а В. Я. Брюсов рассуждал, что «простые люди не разбираются в тонкостях различия между православием и унией и идут в православную церковь, как в церковь славянскую, отличную от немецкого костёла» (Брюсов 1914: 2). Но постепенно к посетителям из России приходило понимание, что вера местных жителей отличается от православия. «Мне все говорили, что население Галиции почти православное. Присмотрелся я к нему, побывал в церквях и нашёл, что по образу жизни, по костюмам и по типу это хохлы, но по религии почти католики, — признавался автор письма из действующей армии. — Униатство так ловко построено, что только небольшая часть внешности религии походит на православную, а остальное всё чистое католичество» (ГА РФ 102: Д. 1024. Л. 212). А. В. Тыркова отмечала, что униатские церкви «решительно ни на что не похожи, кроме, как на самих себя» (Тыркова 1915б: 7). Молодые священники, оставшиеся в Галиции, напоминали русским скорее католических ксендзов, чем православных батюшек: «Все они были неженатые; наши славянские эктинии произносили намеренно с хохлацкими неправильностями выговора; все симпатии их были на стороне католичества» (Манин-Вавинский 1916: 580). Различия между православием и унией наглядно прослеживались в предметах культа и обрядовых деталях: в русинских хатах были развешены «иконы, как их пишут католики» (Серафимович 1915а: 5), а то и вовсе «не иконы, а довольно безвкусные религиозные картины» (Степун 1926: 26). Один офицер обратил внимание, что галичанка, в доме которой он остановился на ночлег, во время молитвы «держала ладони вовнутрь, как католичка» (Курмояров 1915: 11).

После первых успехов наступления австро-германских войск в Галиции в мае 1915 г. отношение русинов к русским войскам стало охладевать, и на это обращали внимание военнослужащие. В письмах они констатировали, что русины «или совершенно безразличны, или уж расположены не в нашу пользу», и «всех нас страшно возмущает то, что очень уж церемонятся с местным населением, которое не заслуживает этого» (ГА РФ 102: Д. 1021. Л. 923). В пустом крестьянском доме в деревне Тростянец, где летом 1916 г. остановился генерал В. И. Селивачёв, красовалась надпись: «Ты москальская свинья!!!» (Селивачёв 2020: 496). В июне 1916 г. чиновник МИД России, вернувшийся из командировки в Галиции, писал: «Настроение населения мне не понравилось; от прежнего раболепства и, как будто бы, симпатий — никакого следа, скорее проглядывает нечто близкое к озлоблению и сочувствию австрийцам» (АВП РИ: Д. 179. Л. 47). «Православные» галичане, — писал депутат Государственной думы Н. Д. Крупенский, не раз приезжавший в оккупированную Галицию, — оказывались православными до следующего униатского богослужения и русофилами до следующего австрийского воздействия». Парламентарий отмечал, что русские войска в последнее время небезосновательно подозревали русофилов в шпионаже в пользу «своих владык австрийцев» (ГА РФ 541: Д. 209. Л. 34). Разочарование в русинах, которые «на нас смотрят хуже, чем на врагов», прослеживалось не только в офицерской, но и в солдатской корреспонденции (Асташов 2014: 266).

Итак, Первая мировая война позволила подданным России, которые имели весьма поверхностное представление об австро-венгерской Галиции и её населении, воочию познакомиться с этим регионом. Впечатления тех, кому довелось посетить Галицию в этот период, существенно расходились с риторикой русских властей и правой публицистики, которая изображала галицийских русинов «освобождённой» ветвью единого русского народа и однозначно определяла их как «русских». Если имущественное

положение и свойства характера галичан русские посетители оценивали по-разному, то в культурных, бытовых и языковых особенностях русинов почти все они усматривали сходства не с русскими вообще, а конкретно с малорусскими (украинскими) крестьянами. Проведение параллелей между русинами и малороссами, их одеждой, повседневностью и окружающим пейзажем было неизменной чертой всех путевых записок о Галиции. Вопреки официальной позиции, большинство наблюдателей называло восточнославянское население Галиции именно «русинами», а не «русскими». Знакомство с особенностями униатства, которое на первый взгляд мало чем отличалось от православия, убеждало посетителей из России в обратном. Военные, особенно офицеры, весьма скептически относились к представлениям о лояльности русинов русским властям, особенно с лета 1915 г., когда уровень доброжелательности местного населения к русским войскам заметно упал. Таким образом, взаимодействие с галичанами развенчивало у русских наблюдателей представление о русинах как «своём», «чисто русском» и православном населении.

Источники и материалы

- АВП РИ — Архив внешней политики Российской империи. Фонд 151. Оп. 474.
АДРЗ — Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Фонд 1. Оп. 1. Ед. хр. Е-170.
Арямов 2014 — Арямов И. А. Война 1914–1918 гг. // Отечественные архивы. 2014. № 3.
Белгородский 1914 — Белгородский А. В. Галиция — исконное достояние России. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1914. 48 с.
Блок 2022 — Л. Д. Блок — А. А. Блоку. 11-12 сентября 1914, Юго-Западный фронт, Галиция // А. А. Блок — Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка 1901–1917 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 720 с.
Брюсов 1914 — Брюсов В. Я. В русской Галиции // Голос. 1 октября 1914. № 225.
Вавилов 2016 — Вавилов С. И. Дневники, 1909–1951: в 2 кн. Кн. 1: 1909–1916. М.: Наука, 2016. 655 с.
В. Л. 1914 — В. Л. Заметки о Галиции. Нет больше Руси подъяремной // Киевлянин. 31 августа 1914. № 240.
Взятие 1915 — Взятие Перемышля, сильнейшей в мире австрийской крепости. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1915. 32 с.
Воззвание 1914 — Воззвание Верховного Главнокомандующего русскому народу // Известия Министерства иностранных дел. 1914. Книга V. Пг., 1914.
ГА РФ 102 — Государственный архив Российской Федерации. Фонд 102. Оп. 265.
ГА РФ 541 — Государственный архив Российской Федерации. Фонд 541. Оп. 1.
Геруа 2018 — Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни // Генерал Геруа: сборник. М.: Посев, 2018. 528 с.
Гусев 2007 — Гусев Е. Х. Дневник-воспоминания унтер-офицера Е. Х. Гусева // Вологодский Лад. 2007. № 2.
Де Витте 1903 — Де Витте Е. И. Буковина и Галичина. Лето 1903 г. К.: Тип. И. И. Горбунова, 1903. 49 с.
Дідковський 1961 — Дідковський А. Спогади. Б. м. в.: накладом автора, 1961. 82 с.
Дружковский 1914 — Дружковский В. Как жила и живёт Галиция? Екатеринбург: Е. П. и В. П. Шевченко, 1914. 16 с.
Занятие 1914 — Занятие Галиции и полный разгром австрийской армии. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1914. 32 с.
Ильин 2016 — Ильин И. А. Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М.: Русский путь, 2016. 480 с.
Кожухов 1915 — Кожухов В. В возвращённой стране (путевые наброски) // Биржевые ведомости. 20 апреля 1915. № 14795.
Краузе 2013 — Краузе Ф. Письма с Первой мировой. СПб.: Нестор-История, 2013. 332 с.

- Крючков* 1914 — *Крючков Д.* Галицийская выставка // *Голос жизни*. 1914. № 20.
- Ксюнин* 1916 — *Ксюнин А. И.* Народ на войне: (из записок военного корреспондента). Пг.: Издание Б. А. Суворина, 1916. 242 с.
- Курмояров* 1915 — *Курмояров И.* Письма офицера с передовых позиций. Пт.: Газ. «Русское чтение» и «Летопись войны», 1915. 76 с.
- Манин-Вавинский* 1916 — *Манин-Вавинский С.* Перемышль. 1 ноября 1914 г. — 9 марта 1915 г. Личные воспоминания // *Разведчик*. 1916. № 1348.
- Митропольский* 1914 — *Митропольский И.* В отчине и дедине. Русские войска во Львове и Галиче. Историческое прошлое Галиции и современное её положение. Значение города Львова. М.: Тип. А. Д. Плещеева, 1914. 24 с.
- Мясковский* 1977 — *Н. Я. Мясковский — С. С. Прокофьеву*. 27 ноября 1914 г., Сокольники // *С. С. Прокофьев и Н. Я. Мясковский*. Переписка. М.: Советский композитор, 1977. 597 с.
- Немирович-Данченко* 2013 — *В. Н. Немирович-Данченко — А. Н. Бенуа*. 7 июля 1913 г., Карлсбад // *Немирович-Данченко В. И.* Творческое наследие: Письма. Из прошлого. В 4-х т. Т. 2: Письма (1908–1922). М.: Московский Художественный театр, 2003. 814 с.
- Паскаль* 2014 — *Паскаль П.* Русский дневник: Во французской военной миссии (1916–1918). Екатеринбург: Гонзо, 2014. 592 с.
- Пестржецкий* 2011 — *Пестржецкий М. И.* Воспоминания командира 12-го гренадёрского Астраханского императора Александра III полка. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2011. 364 с.
- Половцов* 1915 — *Половцов И.* Галицийские настроения и картинки // *Голос Руси*. 13 марта 1915. № 481.
- Поручик N* 1914 — *Поручик N.* В походе на австрийцев (Письмо из действующей армии) // *Подольнин*. 10 сентября 1914. № 1107.
- Саянский* 1915 — *Саянский Л.* Три месяца в бою. Дневник казачьего офицера. М.: Типография Акц. О-ва «Московское Издательство», 1915. 144 с.
- Селивачёв* 2020 — *Селивачёв В. И.* Дневники. Сентябрь 1915 — август 1916 г. М.: Хлестов О. Н., 2020. 720 с.
- Серафимович* 1915а — *Серафимович А.* В Галиции // *Русские ведомости*. 28 мая 1915. № 121.
- Серафимович* 1915б — *Серафимович А.* Галиция // *Русские ведомости*. 17 мая 1915. № 112.
- Степун* 1926 — *Степун Ф. А.* Из писем прапорщика-артиллериста. Прага: Пламя, 1926. 267 с.
- Трегубов* 1915 — *Трегубов А.* Письма из Галиции // *Голос Руси*. 18 марта 1915. № 418.
- Тыркова* 1915а — *Тыркова А.* На Карпаты // *Биржевые ведомости*. 15 апреля 1915. № 14785.
- Тыркова* 1915б — *Тыркова А.* Среди Карпат // *Биржевые ведомости*. 19 апреля 1915. № 14793.
- Тыркова* 1915в — *Тыркова А.* Среди галичан // *Биржевые ведомости*. 16 мая 1915. № 14845.
- Тютчев* 2022 — *Тютчев Ф. Ф.* Дневник // *Дневники Великой войны*. М.: Квадрига, 2022. 608 с.
- Уланов* 1914 — *Уланов В. Я.* Галиция в её прошлом и настоящем. М.: Т-во И. Н. Кушнерев и К°, 1914. 48 с.
- Флоринский* 1911 — *Флоринский Т. Д.* Краткое извлечение из лекции члена-учредителя Киевского клуба русских националистов проф. Т. Д. Флоринского (прочитанной им в военно-историческом обществе 17 декабря): «Зарубежная Русь, её прошлое и настоящее» // *Сборник клуба русских националистов*. Выпуск третий. К., 1911.
- Черкасский* 1914 — *Черкасский А. А.* В покорённом Львове // *Биржевые ведомости*. 25 сентября 1914. № 14394.
- Щербаков* 1915 — *Щербаков М.* Походные впечатления священника в Галиции // *Вестник военного и морского духовенства*. 1915. № 11–12.
- Юльич* 1914 — *Юльич Г.* Из завоёванной страны (Из беседы с инж. А. Н. Клепининым) // *Одесский листок*. 7 декабря 1914. № 330.
- Яворская* 1915 — *Л. Б. Яворская* на позициях // *Биржевые ведомости*. 4 мая 1915. № 14823.

Научная литература

- Асташов А. Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 740 с.
- Белов М. В. На пути к славянскому братству... Претворение опыта русских путешествий на Балканы первой половины XIX века // Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / Сост. М. В. Белов. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 517–604.
- Клопова М. Э. Восточная Галиция и её население на страницах российской прессы (август-сентябрь 1914 г.) // Имя народа: Украина и её население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе / Ред. Е. Ю. Борисенко (отв. ред.), М. Э. Клопова, М. В. Лескинен. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 145–160.
- Левкиевская Е. Е. Этнокультурный и языковой стереотип украинца в русском сознании // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 154–176.
- Beller M. Perception, Image, Imagology // *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters* / ed. by M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam: Rodopi, 2007. 45–61.
- Drace-Francis A. Towards a Natural History of East European Travel Writing // *Under Eastern Eyes: A Comparative Introduction to East European Travel on Europe* / ed. by W. Bracewell, A. Drace-Francis. Budapest: CEU Press, 2008. 1–26.
- Ely C. *This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2009. 278 p.

References

- Astashov, A. B. 2014. *Russkii front v 1914 — nachale 1917 goda: voennyi opyt i sovremennost'* [Russian Front Between 1914 and the Beginning of 1917: War Experience and Present]. Moscow: Novyi khronograf. 740 p.
- Beller, M. 2007. Perception, Image, Imagology. In *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters*, ed. by M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam: Rodopi. 45–61.
- Belov, M. V. 2018. Na puti k slavyanskomu bratstvu... Pretvorenje opyta russkikh puteshestvii na Balkany pervoi poloviny XIX veka [On the Way to Slavic Brotherhood... Implementation of Experience of Russian Traveling to Balkans in the first half of 19th century]. In *Otkrytie 'brat'ev-slavian': russkie puteshestvenniki na Balkanakh v pervoi polovine XIX veka* [Discovering the “Slavic Brothers”: Russian Travelers in the Balkans in the First Half of the 19th Century], ed. by M. V. Belov. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 517–604.
- Drace-Francis, A. 2008. Towards a Natural History of East European Travel Writing. In *Under Eastern Eyes: A Comparative Introduction to East European Travel on Europe*, ed. by W. Bracewell, A. Drace-Francis. Budapest: CEU Press. 1–26.
- Ely, C. 2009. *This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press. 278 p.
- Klopova, M. E. 2016. Vostochnaya Galitsiia i ee naselenie na stranitsakh rossiiskoi pressy (avgust-sentyabr' 1914 g.) [Eastern Galicia and its Population on the Pages of Russian Press]. In *Imya naroda: Ukraina i ee naselenie v ofitsial'nykh i nauchnykh terminakh, publitsistike i literature* [The Name of the People: Ukraine and its Population in Official and Scientific Terms, Publicity and Literature], ed. by E. Yu. Borisienok, M. E. Klopova, M. V. Leskinen. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 145–160.
- Levkiyevskaya, E. E. 2008. Etnokul'turnyi i yazykovoi stereotip ukrainca v russkom soznanii [Ethnocultural and Language Stereotype of Ukrainian in Russian Mindset]. In *Ukraina i ukraintsy: obrazy, predstavleniya, stereotipy* [Ukraine and Ukrainians: Images, Perceptions, Stereotypes], ed. by E. Yu. Borisienok. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN. 154–176.